

Телеология ритма у А.П.Чехова

Значительность ритмико-интонационного уровня в структуре художественного мира А.П.Чехова в современном литературоведении не подвергается сомнению. Ритм рассматривается как средство создания “общего тона”, “настроения”, “музыкальности”, “поэтичности”. Попытки охарактеризовать ритм прозы А.П.Чехова в содержательном плане наталкиваются на препятствие особого рода - “гармонию”: “связывание разнородных, внутренне неоднородных вещей в повествовательном строе целого: стройно-симметричное распределение и развертывание различных, в том числе и противоположных, тем и планов; расширяющееся объединение различных ритмических движений в гармоническое разрешение их в сложном финальном синтезе” (Гиршман 1982, 213) . Определяя структуру текста, гармония отдаляет нас от автора: его мысль предстает пред нами “свершившейся”, “готовой”, “совершенной” - “овеществленной” в ритме художественного целого. Рассмотрение вопроса телеологии ритма А.П.Чехова не возможно без рассмотрения проблемы смысла ритма художественного целого, его онтологического статуса.

В исследовании А. С. Яскевича “Ритмическая организация художественного текста (1991) собран материал по психологии творчества, иллюстрирующий процесс рождения художественного целого. На основе этих данных мы выделили следующие фазы образования ритма: 1) внутренний ритм, связанный с психофизиологическим состоянием художника (ходьбой, дыханием, слухом), движением души в своеобразных взлетах и падениях, напевание без смысла и появление мысли, которая начинает колебаться в такт бессознательно возникающему ритму; 2) процесс расподобления ритмического образа в словесную образно-картинную оболочку, обретение ритмом плоти звуковой оболочки; словесные элементы, слоги, слова в этот момент определяются их музыкальной ценностью и привлекательность; возникновение зримо представимого образа, соответствующего первоначальному музыкальному настроению сопровождается тем, что музыкально-ритмическая основа целого до конца не расподобляется, а сохраняется в виде ритма, настроения, мелодии; 4) бытийность ритма художественного целого осуществляется в восприятии как восстановление первоначального ритмоощущения творца.

Ритм, являющий себя в симметрии, гармонии, по Бергсону, останавливает нормальное течение наших ощущений и представлений, заставляя наше внимание вибрировать между определенными точками, усыпляет активные, противодействующие силы нашей личности, приводя нас тем самым в состояние совершенной пассивности, чтобы сломить барьер, который время и пространство воздвигли между нашим сознанием и

сознанием художника, что дает возможность художнику сразу и непосредственно обратиться к нашему внутреннему, подлинному “Я”. Жизнь этого подлинного «Я» человека является настоящей жизнью, включенной в непрерывный поток движения материи и преобразования её (конденсацией материи).

Представление о *длительностях различной эластичности*, возникает у Бергсона на основе понимания того, что в действительности нет единого ритма длительности: можно представить себе много различных ритмов, более медленных или более быстрых, которые измеряли бы степень напряжения или ослабления тех или иных сознаний и тем самым определяли бы соответствующее им место в ряду существ (Бергсон 1992, 291). Это понятие помогает Бергсону прорваться за границу привычного человеческого самоограничения, объяснить сущность восприятия и работы сознания над материей. Сознательная работа с ритмами художественного целого может быть представлена в терминах А.Бергсона как существование в длительностях различной эластичности, выражающее интенсивность внутренней жизни, силу концентрации восприятий и, соответственно, степень свободы.

На современном этапе развития философии естествознания и переосмысления наследия А.Бергсона в русле синергетики возникает возможность рассматривать ритм художественного целого не столько как ритм речи, сколько как проявление в речи ритма движения материи и работы сознания с ней. Генерируемые потоки времени¹ входят в пространство созерцания², проходя сквозь душу поэта. Произведение искусства приобретает статус реальности, оно бытийствует, обретая свое время-пространство, проявляя субстанцию времени в план содержания человеческого сознания.

Природным референтом генерируемого потока времени в художественном произведении является бытийность собственного времени образа как распрямление ритма текста во внутренний ритм читателя³, как “форма протяженности материального субстрата, который становится одновременно и средством изобразительности и выразительности этого материала” (Гей 1975, 221). Первичный ритм, отнесенный к целому миру,

---

¹ А.П.Левич предлагает понимать под субстанцией вид материи, отличный от субстратов, представленных частицами-фермионами, атомами, молекулами, который не идентифицируется непосредственно современными экспериментальными технологиями. Один из уровней иерархического строения системы, на котором существует генерирующий поток, выбирается в качестве “времяобразующего” для изучаемой системы и соответствующий генерирующий поток объявляется природным референтом “течения” времени или становления. Модель допускает вариант, в котором вещество и поля, образующие наш мир, являются не самостоятельными физическими реальностями, а специфическими структурами самой пространственно-временной субстанции (типа сгущений, вихрей и т.п.), при этом в целом наш мир представляет собой одиночную волну наподобие солитона, распространяющуюся в пространственно-временной субстанции в направлении от прошлого к будущему. Поток Козырева обладает весьма экзотическими свойствами: он переносит энергию, но не переносит импульс, “не распространяется, а появляется” (т.е. распространяется с бесконечно большой скоростью), “превращает причины в следствия” со скоростью, пропорциональной произведению скорости света на постоянную атомной структуры. В концепции Н.А.Козырева можно выделить несколько дополняющих друг друга аспектов: утверждение об открытости Вселенной по отношению к энергии “потока времени”; утверждение о потоке как о некотором “носителе”, необходимом для “превращения причин в следствия”, то есть поток Козырева оказывается источником возникновения нового в Мире; утверждение о переносе потоком информации о нынешнем, прошлом и будущем положении звездных объектов (Левич 2000).

² Пространство созерцания - категория содержания сознания, которая выступает как эквивалент реального пространства в непространственном сознании и имеет непосредственное отношение к пониманию и интерпретации текста (Топоров 1997, 455).

³ Идея активного отношения ко времени (синтезу времени при восприятии художественного образа) была обоснована П.А.Флоренским

трансформируемый работой сознания художника, реализуется в перцептивном времени воспринимающего произведение искусства. Синтез времени при восприятии художественного целого воссоздает ритм первичной работы сознания над материей.

Таким образом, можно уточнить фазы возникновения-осуществления (бытия) ритма художественного целого.

Область возникновения:

1. фаза возникновения целого (доречевой, собственно ритмический уровень) "мысленное интонирование" (термин Асафьева Б.):
2. фаза оплотнения (речевой, образный, появление структурной расчлененности целостности).

Область осуществления:

3. суггестивная фаза восприятия ритма (поверх речевых и образных структур);
4. рефлексивное восстановление первоначального ритма творца (анализ речевых, образных структур, рефлексия суггестивной фазы восприятия ритма).

Выделение суггестивной функции ритма в поздней прозе А.П.Чехова (Шалыгина 1999, 151) привело нас к необходимости осознания того комплекса идей, которые лежат в основе ритмического уровня его художественной системы. Работа А.П.Чехова над ритмом, как нам представляется, осознанная, телеологическая деятельность.

В философском отношении работа А.П.Чехова над художественным временем связана с разработкой категории "настоящего" - интенсивной бесконечности. Еще в раннем творчестве А.П.Чехов осваивает различные способы "манипулирования" временем в художественном тексте: он то плывет по его течению, то останавливает его, устанавливая вертикаль выхода из времени в вечность ("Налим"), то показывает время, поглощенное пространством (Мыслитель"), то пространство, поглощенное временем ("Егерь"), в сатирических произведениях обращается к категории "сакрального мига" - проявлению "бытийного" знания в бытовом ("Хамелеон"), в философско-лирических ("Тоска") этим "сакральным мигом" становится миг эстетического сопереживания читателя - миг торжества чистого времени, пронизываемого консубстанциального мира, где нет метафизического одиночества человека.

Высшие творческие достижения А.П.Чехова в период становления художественной системы связаны с осуществлением в них "гипнотической" функции ритма. Например, в рассказе "Мыслитель" А.П.Чехов исследует возможность через оппозицию "тишина - звук" показать остановившееся время. Пятикратный повтор оппозиции "тишина - звук" создает

(Флоренский 1993).

иллюзию ритмического движения художественного времени рассказа. Иллюзию, так как звук, производимый этой жизнью, пуст, обезличен, обесмыслен. Это движение пустоты. Звуки, производимые людьми, принадлежат ей, обозначая ее собственное бытие и движение: "Наступает тишина, изредка только прерываемая звяканьем рюмок, да пьяным побрякиванием... Солнце начинает уже клониться к западу, и тень липы все растет и растет".

Концовка рассказа закрепляет власть пустоты - всё погружается в сон. В этом рассказе А.П.Чехов начинает незаметно раздражать читателя: коврик, который стелит Феона около стола, переполняет чашу терпения читателя, только что подчинившегося иллюзии ритмического движения. Возникает противоречие, но не в зоне открытой работы слова, а в сфере психофизического раздражения читателя, ответной реакции живого на власть пустоты, сна, смерти. Это слегка заметное, формируемое автором противостояние негативно-оценочной и в то же время положительно-победной эмоции усмешки, насмешки, улыбки читателя с величием, властью пустоты, обезличенного пространства существования человека, смертью, на наш взгляд, можно рассматривать как "зерно" философии времени А.П.Чехова.

Проблема взаимодействия художественного ритма и аритмической работы мозга для приспособления человека к миру была поставлена в 30-х гг XX в. видным русским антропологом Я.Я.Рогинским, утверждавшим, что художественное восприятие было необходимым средством возникновения неантропа, которому надо вынести не только трудности существования, но и собственную мысль. Посредством эстетической деятельности (понимаемой тут в широком смысле слова) человек субъективно ощущает это возвращение своей коры в общий ритм организма как возникающий постоянно вновь переход от хаоса к системе, от неустойчивости к равновесию, от беспорядка к симметрии, от диссонанса к созвучию и т.д. в зависимости от рода искусства (Рогинский 1938; 133).

В рассказе А.П.Чехова "Гусев" мы встречаемся со стройно-симметричным развертыванием всех основных мотивов "морского комплекса".

Во-первых, это сама *фиксация колыхательно-колебательных движений*. В 1 главе "кажется начинает покачивать. Койка под Гусевым медленно поднимается и опускается, точно вздыхает - и этак раз, другой, третий..." Во 2 главе этот мотив достигает своей кульминации: им определяется ритмико-синтаксическое членение речи персонажа. "От качки, духоты и своей болезни он изнемог, тяжело дышит и шевелит высохшими губами: "Мне всё казалось странным, как это вы, тяжело больные, вместо того, чтобы находиться в покое, очутились на пароходе, где и духота, и жар, и качка, всё, одним словом, угрожает вам смертью, теперь же для меня все ясно" (4-2-2-2-2-2--1-1-1-1-2-2-4). Ритм дыхания

тяжелобольного Павла Ивановича задает тот же ритм качки. Следование этому ритму речи индуцирует тот же ритм в дыхании читателя⁴. “Сильно качает, нельзя ни встать, ни чаю напиться, ни лекарства принять”; “Он (Павел Иванович) изнемог от качки и закрыл глаза; голова у него то откидывается назад, то опускается на грудь”. Мотив сильной качки смыкается с мотивом тишины и смерти. “И наступает тишина... Картежники играют часа два, с азартом и руганью, но качка утомляет и их; они бросают карты и ложатся.” Здесь Чехов пользуется своим старым, излюбленным приемом (как в “Налиме” или “Мыслителе”) - человеческие звуки: ругань рыболовов, “звяканье рюмок да пьяное побрякиванье”, - становясь ритмически монотонными, выходят за пределы осознанного человеческого существования и становятся принадлежностью тишины, жизни, поглощенной пространством. В 3 главе качки уже нет и Павел Иванович повеселел. Стоят на рейде. “Гусев не слушает и смотрит в окошечко. На прозрачной, нежно бирюзовой воде, вся залитая ослепительным, горячим солнцем, качается лодка”. Эта остановка в пути, солнце в зените - один из признаков стяжения художественного времени к центру - вертикали, - проявляющийся уже в ранних рассказах А.П.Чехова с выраженной гипнотической функцией ритма.

В 4 главе “Качки нет, тихо, но зато душно и жарко, как в бане”. Тихо умирает Павел Иванович. “Оба солдата смотрят на белую пену, отсвечивающую фосфором, молчат и думают“. Первым нарушает молчание Гусев. -А ничего страшного нету,- говорит он.” В 5 главе “пройдя сажень восемь-девять, он начинает идти тише и тише, мерно покачивается, точно раздумывает”. Т.о. первый мотив фиксация колебательно-дыхательных движений может быть представлен 3-х частной структурой: 1, 2 главы -качка; 3 глава - остановка на рейде; 4-5 главы - качки нет; что соответствует первому варианту композиционного членения рассказа⁵. Пятичастное членение дает расподобление этой структуры: 1 глава - начинает покачивать; 2 глава -сильная качка (две смерти); 3 глава - на рейде легкое покачивание лодки - всем легче; 4 глава - качки нет, смерть П.И., мысленное переживание смерти Гусевым, здесь появляется образ борьбы волн друг с другом: “Неизвестно для чего, шумят высокие волны. На какую волну ни посмотришь, всякая старается подняться выше всех, и давит, и гонит другую; на нее с шумом, отсвечивая своей белой гривой, налетает третья, такая же свирепая и безобразная”. 5 глава -тело Гусева мерно покачивается в воде. Борьба волн, хаос океана сливается с тишиной и покоем ясного неба. Оппозиция 4 главы

---

⁴ Согласно Л.С.Выгодскому речевой ритм произведения устанавливает соответствующий ритм и характер дыхания; каждой смене дыхания и ритму отвечает определенный строй эмоций; этот эмоциональный фон поэтического переживания тождествен или, во всяком случае, сходен с тем, который переживает в момент творчества автор (Выгодский 1926, 173).

⁵ Включая рассказ в сборник “Палата № 6”, Чехов снял дату “Коломбо, 12 ноября”, изменил разбивку по главам (первую и третью поделил - каждую на две главы, так что вместо трех стало пять глав). (А.П.Чехов ПСС, т.7. Примечания, с.683)

“Наверху глубокое небо, ясные звезды, покой и тишина - точь-в-точь как дома в деревне, внизу же - темнота и беспорядок” снимается слиянием нежных цветов океана и неба.

Той же волновой структуре подчинено и изображение смерти в рассказе. За умершими вниз, в лазарет, приходят сверху, чтобы бросить вниз в море. Оппозиция дополнительно семантизируется: верх - “царство небесное”; низ - дно морское, в мифологической традиции - образ смерти и ужаса, несостоявшегося рождения, и вместе с тем, образ хранилища всех жизней: прошлых и будущих.

Колебательно-колыхательный ритм, составляющий основу “морского комплекса”, соотносится как с началом творения и его смыслом, так и с пренатальной матрицей подсознания. В рассказе А.П.Чехова легко вычлняются оба эти кода.

Космогонический миф представлен как в структуре сюжетно-композиционного членения, так и в образно-символическом плане. Основным признаком текстов, соотнесенных с мифами о творении, является гипертрофизм числового принципа при забвении его старой семантики. Повествователь чеховского рассказа ведет счет вечеров: I глава - вечер; II, III глава - вечер; IV глава - проходит два дня; V глава - два дня спит Гусев, “на третий в полдень приходят сверху два матроса и зашивают его в парусину”. Счет дней (6+1) является известной параллелью семидневному циклу творения. Гусев выступает в роли медиатора, он сам в болезни находится между жизнью и смертью, между иллюзией и реальностью, сном и явью, океаном и небом. Космогонические образы рыбы-горы и ветра, прикованного к стенам на краю света, сразу же в I главе реализуют космогонический код.⁶ Ветер в ряду семиотических соответствий связан с дыханием, духом, душой, является цепью связи структурных элементов мира и причиной болезней (Топоров 1997б, 121).

“Чужое слово” (солдат в Сучане рассказывал) и общезыковая метафора (“ветер с цепи сорвался”) актуализируются, с одной стороны, недовольным окриком Павла Ивановича (он не выносит качки), с другой стороны, легкостью перехода Гусева с его народным мифопоэтическим сознанием к разворачиванию архетипических образов: он думает о рыбе-горе со спиной твердой как у осетра, о толстых каменных стенах на краю света, к которым прикованы злые ветры, затем он начинает думать о родной стороне. Видение образов родной стороны: пруда, занесенного снегом, дыма из заводской трубы фарфорового завода, родных (брата Алексея, его сынишки Ваньки и девчонки Акульки – “лица не видать – закуталась”), - только повод для разворачивания символического значения деталей: сани уже не едут, а кружатся в черном дыму, без глаз показывается большая бычья

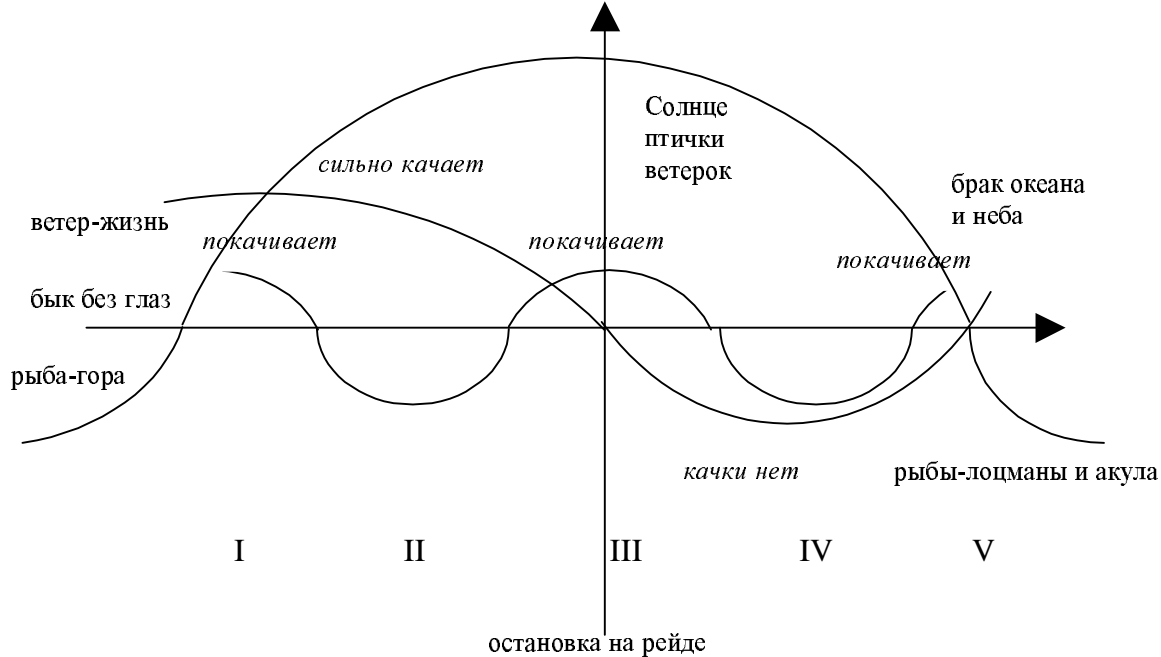
⁶ Известна демитическая функция рыбы. “Возможно, мотив рыбы как опоры земли в океане связан прежде всего с индийскими представлениями о мировой горе посреди океана, повлиявшими, в частности, на центральноазиатские традиции” (Топоров 1992, 392).

голова. Случайная чеховская деталь – вторжение чужого бреда в видение Гусева – переводит его сон из плана личных воспоминаний в план архетипических образов-символов смерти: езды на санях, черного дыма, бычьей головы без глаз (Хаас 1999, 85-89). Таким образом архетипические образы-символы 1 главы представляют трехчленную по вертикали мифологическую схему вселенной: рыба как зооморфный классификатор нижней космической зоны, бык, символизирующий срединную космическую зону, ветер как властитель верхней космической зоны.

На усиление функции Гусева как медиатора между мирами указывает осязаемость его контактов с “другим” миром. “Колебательно-колыхательные, вибрирующие движения морских вод или степных трав, собственно, и образуют те коротко-частотные волны, которые открывают простор взгляду и слуху вплоть до иллюзий” (Топоров 1995, 601). Сначала контакт между мирами укладывается в рамки психологической реальности: сон переживается как явь, встреча во сне дает физическое ощущение радости наяву: “Радость захватывает у него дыхание, бегают мурашками по телу, дрожит в пальцах.- Привел господь повидаться! – бредит он”, затем в просьбе о помощи к ребенку из сна: “Заместо того, чтобы ноги задирать, поди-кась дядьке служивому напитокя принеси. Гостинца дам”. В 4 главе трижды “проигрывается” смерть Гусева – первый раз во сне, когда он не захотел держать понесшихся лошадей, второй в разговорах с солдатом о близкой смерти, и третий – выход на палубу (верх – смерть в композиционной структуре этого рассказа). Мир иллюзии обрел для него реальность более плотную и осязаемую, обоняемую, чем жизнь: “Запахло навозом и сеном. Понурились головы, стоят у борта быки. Раз, два, три... восемь штук! А вот и маленькая лошадка. Гусев протягивает руку, чтобы приласкать её, но она мотнула головой, оскалила зубы и хочет укусить его за рукав. – Проклятая...- сердится Гусев”. Поэтому переход его из сна в смерть никак не обозначается: “Спит он два дня, а на третий в полдень приходят сверху два матроса и выносят его из лазарета.”

Наличие даже в редуцированном виде мотивов космогонического мифа в 1 главе позволяет рассматривать в 5 главе слияние цветов и нежность океана и неба как брак, предшествующий рождению. Кольцевая композиция, реализующая кодовое значение космогонического мифа, расширяет тему рассказа о смерти на море до символа творения-рождения мира.

Таким образом схему композиционного членения можно представить волновой структурой:

Другим кодом, соответствующим смыслу покачивания-качания является *пренатальная символика*, отсылающая к памяти о рождении человека. Символизм стадии эмбрионального существования сплетает воедино различные океанические, космические, природные, райские, божественные элементы (Гроф 1996, 50). Ритм легкого покачивания вызывает чувства космического единства и блаженства. Так ритмическое разворачивание симметричных композиционных структур: “начинает покачивать” в начале – лодка покачивается на волнах в центре – тело идет ко дну, слегка покачиваясь в финале, - актуализирует семантику образа “океана – лона”, и соответственно, чувства покоя и радости, мистерии рождения.

Символизм перенатальной матрицы, связанной с процессом рождения, вызывает образы запиранья во враждебном мире и агрессии. Человек переживает пограничное состояние тесноты, томления, мук, страданий, разрешающееся выходом в “новое пространство”, что воспринимается как освобождение, как “новое рождение”. Болезнь Павла Ивановича и Гусева – чахотка, связанная с затруднением дыхания, разворачивает символизм структуры этой матрицы как в иллюзорном, так и в физическом плане. Рождение может вызвать видение гигантского водоворота, затягивания в самый его центр: “сани кружатся в черном дыму”; “и опять едут сани, потом опять бычья голова без глаз, дым, облака... И так до рассвета.” Видения кружатся так же, как дым, затягивая Гусева все глубже и глубже. С рождением также связаны ощущения себя жертвой бессмысленной борьбы, находящейся во власти чудовища: “У моря нет ни смысла, ни жалости”, пароход – носатое чудовище, которое, как и океан, “давит всех, не разбирая святых и грешных”. Содержание этой пренатальной матрицы может сопровождаться самыми разными физическими

проявлениями. Колени часто бывают согнуты, а ноги прижаты к животу, что завершает позу эмбриона (Гроф 1996, 62). Общую картину символического плана рождения-смерти дополняет поза Гусева – “обнял колени, положил на них голову и думает о родной стороне”. Наполненность 2, 4 и даже 5 части образами смерти –рождения (вплоть до символики последнего сна –“залез в печь и парился березовым веником”) предваряет появление следующей перенатальной матрицы⁷, соответствующей выходу в новое пространство, символов рождения и воскрешения мира – мистерии восхождения со дна моря к небесам.

Топоров называет один важный аспект, который отражается в идее рождения независимо от того, реализуется ли она в биологическом или духовном плане. Субъект рождения (тот, кто рождается), будь то ребенок или “новый”, духовно родившийся (хотя бы только на краткое время, когда восстанавливается связь с бессмертием, с полнотой жизни) переживает пограничное состояние тесноты, томления, мук, страданий, разрешающееся выходом в “новое” пространство, что воспринимается, как освобождение, как “новое рождение”, как приобщение к вечности и бессмертию. (Топоров 1995, 595)

Но кто совершает этот путь со дна моря к небесам? Душа ли Гусева, душа ли автора, “новая” ли душа? Если это “новая” душа, то пространство-время текста, ритм его осуществления и есть пространство рождения этой души. Вплетаясь в сложную систему пересечения волн жизни и смерти, хаоса и покоя, убаюканная сном, плотностью художественной иллюзии, гармонией симметрии, она постигает опыт смерти-жизни.

Литература

- Бергсон 1992: Бергсон А. Собр.соч. в 4-х тт., т.1. - М.: «Московский Клуб», 1992.
- Выгодский 1926: Выгодский Л.С. О влиянии речевого ритма на дыхание // Проблемы современной психологии. - М., 1926. сб.2.
- Гей 1975: Гей Н.К. Время и пространство в структуре произведения // Контекст. 1974. Литературно-теоретические исследования. -М.: Наука, 1975. с.214-221.
- Гиршман 1982: Ритм художественной прозы. - М.: Сов. писатель, 1982.
- Гроф 1996: Гроф С. Холотропное сознание. - М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996.
- Левич 2000: Левич А.П. Природные референты “течения” времени: становление как изменение количества субстанции // Философские науки. Ежегодник ИФ РАН. - М., 2000.
- Рогинский 1938: Рогинский Я.Я. Проблема происхождения homo sapiens (по данным работ последнего десятилетия)// Успехи современной биологии. 1938. т.1X., вып.1.
- Топоров 1992: Топоров В.Н. Рыбы// Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т., т. т.2. -М.,1992.
- Топоров 1995: Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. - М.: Изд. Группа “Прогресс” - “Культура”, 1995
- Топоров 1997: Топоров В.Н. Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга. - М.: “Языки русской культуры”, 1997.
- Топоров 1997б: Топоров В.Н. О структуре некоторых архаических текстов // Из работ московского семиотического круга. - М.: “Языки русской культуры”, 1997.
- Флоренский 1993: Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. - М.: Изд. группа "Прогресс", 1993.

⁷ Полное наложение матриц сознания по Грофу на художественный текст невозможно. В данном случае на ритмическом уровне воспроизводятся 1, 2 матрицы, на образно-символическом - 2, 4. Схожесть 1 пренатальной и 4 перенатальной производят эффект наложения: ритмически спокойное движение текста, соответствует 1 пренатальной матрице, где, если воспользоваться метафорой Топорова, в “лоне” текста вынашивается “новая душа”, в образно - символическом плане финалу соответствует 4 матрице - перед читателем разворачивается мистерия воскрешения - брака океана и неба.

Хаас 1999: Хаас Доминик “Гусев” - светлый рассказ о мрачной истории // Чеховский сборник - М.: Изд. Литературного института им. А.М.Горького, 1999.

Чехов 1986: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. -М.: Наука, 1986.

Шалыгина 1999: Шалыгина О.В. Развитие идеи времени: от Чехова к Белому// Чеховский сборник - М.: Изд. Литературного института им. А.М.Горького, 1999.с.145-158.

Яскевич 1991: Яскевич А.С. Ритмическая организация художественного текста.- Мн.: Навука і тэхніка, 1991.